

Сайгили и другие против Турции
[Saygili and Others v. Turkey] (№ 19353/03)

Постановление 8 января 2008 г. [вынесено II Секцией]

Обстоятельства дела

Заявитель выступал владельцем компании, издававшей ежедневную газету, которая напечатала две статьи г-жи Куртай, касающиеся дела «Ирфан Бильгин против Турции» [Yrfan Bilgin v. Turkey], № 25659/94 (Сборник Постановлений и Решений Европейского Суда по правам человека *ECHR* 2001-VIII), по которому Европейский Суд установил нарушения статей 2, 5 и 13 Конвенции в связи с исчезновением лица во время содержания под стражей в полиции. Первая статья, «Признание исчезновения во время содержания под стражей в полиции», сообщала о заявлениях прокурора, который во время событий дела опрашивался в качестве свидетеля делегацией Европейской комиссии по правам человека, и заявлениях адвоката исчезнувшего заключенного. Вторая статья, «Прокурор фальсифицирует отчет», содержала комментарии по поводу заявления, сделанного заместителем генерального прокурора перед делегацией Комиссии. Заместитель генерального прокурора возбудил разбирательство против компании заявителя, ее редактора г-на Бильгича и г-жи Куртай, требуя компенсации морального вреда, причиненного публикацией статей, поскольку они носили вводящий в заблуждение и диффамационный характер. Заявители отрицали обвинения, ссылаясь на свободу выражения мнения. Они утверждали, что сообщали только факты, соответствующие действительности, в беспристрастной манере. Статьи были написаны в связи с Постановлением, вынесенным Европейским Судом по делу «Ирфан Бильгин против Турции». Они основаны на выводах Европейского Суда и должны рассматриваться в целом, а не как отдельные предложения вне контекста. Суд по уголовным делам признал г-на Бильгича и г-жу Куртай виновными в нарушении личных прав истца и приговорил к выплате компенсации. Суд решил, что в материалах дела, а также в разбирательстве перед Европейским Судом или в его Постановлении отсутствовали доказательства того, что отчет истца был фальсифицирован, что он умышленно фальсифицировал свой отчет или что его действия были несовместимы с его должностью. Заявители подали кассационную жалобу. Они утверждали, что спорные статьи имели целью не умалить репутацию истца, а лишь продемонстрировать методы расследования смертей лиц, содержащихся под стражей в полиции. Они повторно заявили, что опубликованные сведения соответствовали действительности, были актуальны и представляли интерес для общественности. Наконец, они указали, что осуждение нарушило их право на свободу выражения мнения, предусмотренное статьей 10 Конвенции. Кассационный суд оставил в силе решение суда первой инстанции.

Вопросы права

Оспариваемая мера представляла собой вмешательство властей в право заявителей на свободу выражения мнения. Такое вмешательство было предусмотрено законом и преследовало правомерную цель защиты репутации или прав других лиц. Что касается вопроса о том, было ли оно необходимым в демократическом обществе, то спорные статьи раскрывали актуальные вопросы, представляющие всеобщий интерес, поскольку они касались случаев исчезновения лиц и разбирательств в Европейском Суде по этому поводу. Статьи содержали прямую критику заместителя генерального прокурора в связи с должностью, которую он занимал во время исчезновения заключенного. Хотя зачастую имеется необходимость защищать публичных должностных лиц от деструктивных нападок, в значительной степени обосновательных, соответствует действительности и тот факт, что их действия могут представлять правомерный интерес для прессы и вызывать

обсуждения, касающиеся функционирования системы правосудия и честности ее должностных лиц. Таким образом, личная и должностная ответственность заместителя генерального прокурора занимала центральное место в дискуссии, представлявшей всеобщий интерес, поскольку в своем статусе прокурора он принимал участие в расследовании по поводу исчезновения заключенного, готовил отчет об условиях заключения в полицейском участке, где он содержался, и занимался установлением фактов, но также делал предположения в отношении достоверности заявлений лиц, утверждавших, что видели заключенного в участке.

Действительно, общественное доверие имеет большое значение для надлежащего выполнения такой задачи, как осуществление уголовного преследования. Но лица, которые выполняют такие задачи, обязаны способствовать тому, чтобы это доверие оправдывалось, например, демонстрируя надлежащую тщательность при ведении уголовных дел в качестве гражданского инструмента государства, действующего в целях предупреждения и наказания преступлений и защиты граждан. Более того, соответствующее законодательство не содержало положений о возможности защиты со ссылкой на достоверность сведений или всеобщий интерес в их распространении. Однако, поскольку спорные комментарии включали не только оценочные суждения, но и утверждения о фактах, заявители должны были располагать этой двойной возможностью. Отказ в возможности использовать *exceptio veritatis*, то есть доказывать достоверность своих утверждений с целью освобождения от ответственности, представлял защиту репутации и прав другого лица сверх меры. Спорные статьи содержали критику действий прокурора и предположение о недостоверности сведений, представленных в подготовленном им отчете. При этом данные утверждения были основаны на анализе постановления Европейского Суда по делу, на вещественных доказательствах, которые были приняты им во внимание, на заявлениях прокурора и свидетелей, опрошенных Европейской комиссией по правам человека, и на высказываниях адвоката заявителя по соответствующему делу. Все эти материалы заявители могли использовать не только в своих статьях, но также с целью доказывания своей добросовестности и достоверности своих утверждений в рамках разбирательства в национальных судах. Когда пресса участвует в публичной дискуссии по вопросам, представляющим правомерный интерес, она должна, в принципе, иметь возможность основываться на официальных документах без обязанности проводить собственное независимое расследование. Это не вызывает сомнений применительно к фактическим и правовым выводам в постановлениях, вынесенных Европейским Судом. Таким образом, не имелось оснований сомневаться в том, что заявители действовали добросовестно при выявлении, толковании и квалификации противоречий между выводами расследования национальных властей по факту исчезновения заключенного и выводами Европейского Суда.

Постановление По делу допущено нарушение требований статьи 10 Конвенции (принято единогласно).

Компенсация *В порядке применения статьи 41 Конвенции.* Европейский Суд присудил выплатить заявителям 2 500 евро в счет компенсации причиненного материального ущерба и 1 500 евро в счет компенсации морального вреда.